

Политика и политическое: проблема властвующего

Изучая политику, невозможно не стать политиком. Ведь само исследование или просто мнение о политике содержит в себе мысли и идеи, способные быть используемыми в политике. Они преобразуют то политическое, что связывает жизнь и политику. На политику можно повлиять не только своими действиями, но и мыслями об этих действиях, о существующем, о том, что произошло и как должно быть. Они (мысли) корректируют, вносят что-то новое в восприятие политики. Они изменяют “политическое” и тем самым влияют на политику.

Таким образом, думая о политике, мы её изменяем. Но изменения эти имеют субъективный характер и касаются оценки восприятия. Так происходит процесс эволюции ценностей: от ничего не значащего почти “любопытствования” до момента, когда политика на безотчётном уровне включена в список интересов человека. Ты становишься политиком вне зависимости от твоей воли, ты уже включён в политическое, определяющее политику.

Политическое от политики отличается тем, что политическое – это форма, образ и ориентация «социального образа» политики в повседневной жизни. Политика – это те интеракции и интеркоммуникации, которые возникают в обществе и между обществами по поводу власти. Политика – это не власть в чистом виде, это, скорее, то, что легитимирует власть, что делает власть властью. Следовательно, каждый может влиять на неё (политику) и зависеть от её влияния. Все соподчинены политике, и являются её частью.

Таким образом, субъект, являясь зависимым от влияния политики, будучи вовлечённым в поле политического, где все и всё взаимосвязано, сам является инициатором и провокатором политических инициатив. Здесь уместно замечание Ж. Рансьера о политике как “фигуре человеческого действия, основанной на разногласии обозначения разделения осязаемого, используя которое, господство навязывает осязаемую очевидность своей легитимности”. Участие каждого в политическом не ограничено степенью возможной активности. Сферу и объём влияния каждый выбирает исходя из собственной ориентации к подчинению-подчиняемости. Однако в политическом существуют “естественные” ограничители властвования, влияние которых воспринимается в разной категории признания (легитимации).

Легитимностью обладает лишь то, что вызывает необходимость *ответственности*, которая предполагает внутреннее или навязанное извне принуждение к *подчиняемости*. **Ответственность** проявляется вследствие стремления к избеганию *худшего*. Поскольку легитимность обоснована ответственностью, а последняя проявляется в качестве страха худшего, то легитимность, а с нею и *власть*, основана на **обещании худшего**. Худшее негативно по своему восприятию не вследствие того, что имеет негативные последствия, а потому, что меры воспрепятствования ему содержат затруднительный характер времени и методологии устранения последствий. Как указывает Ж. Рансьер, “обещания худшего извлекало *potestas* (власть) не из чистой *potentia* (возможность) производительных энергий, которые, как утверждалось, являются будущим политическим, но из тех мифических оснований, что ему предшествуют, из *auctoritas* (авторитет)”.

Но страх вызывает чувство обречённости перед произволом “обстоятельств” и отсутствием силы, способной что-либо противопоставить “худшему”, не допустить его. Власть, являющаяся силой, вызывающей страх перед худшим, проявляется в восприятии проявлений *силы* как разрушительного аспекта влияния на человеческую жизнь. Власть воспринимается как средство разрушения. А выборы и предпочтения какого-либо способа ведения власти её “представителями” и её подчиненными становится выбором “из двух зол меньшего”. В этом случае ситуация / возможность власти оказывается ситуацией / моментом **отсутствия власти**. А степень позитивных проявлений власти является уровнем **невозможности власти**. Власть становится не сферой отсутствия *героя*, а сферой *властвующего антигероя*, которая предполагает любые инициативы в качестве **анти-конструирования**, где сила возможна не столько проявлением своего могущества, сколько проявленным авторитетом. Таким образом, *могущество подчиняет* не силой, а воображением силы (силы разрушения) – *авторитетом*.

Реальное воздействие на политику возможно благодаря существующей в политическом поле традиции признавать действительными и правомочными, оправданными интересы иных политических сил, акторов, осознавая свои интересы. И развязывание собственной активности на

основе учёта возможного вмешательства в поле своих интересов неизбежных и необходимых сфер и сил влияния с целью их подчинения собственным интересам. Дихотомия “подчинение – подчиняемость” является ключевой в сохранении баланса легитимности. **Легитимностью** обладает актор политического в случае уравновешенного баланса между *подчинением* и *ответственностью*. При этом **ответственность** несёт функцию отчётности в целерациональном использовании власти по отношению как к объекту влияния (распространения власти), так и к самому источнику власти, и к самой власти как способу и возможности распространения своего влияния, которое может проявляться как в положительном плане для объекта власти (в качестве источника, побуждающего к активности, к творчеству), так и в негативном аспекте (в качестве источника разрушений, угнетения). При этом учитывается тот факт, что сами **объекты воздействия**, то есть *субъекты* политического, на которых направлено влияние, обладающие качеством стремления к власти, благодаря этому качеству и расценивающиеся как **субъекты политического**, воспринимаются как обладающие потенцией воздействия большей, чем сам субъект влияния, то есть преобладают над интенцией пассивного реагирования. Иначе говоря, активны более, чем пассивны.

Объекты воздействия политики являются одновременно и *субъектами* её воздействия, поскольку и те, и другие качества полномерно представлены в поле политического одного и того же политического персонажа, силы, актора. Это тем более справедливо, что объекты воздействия политического обладают чем-то, наличие которого достаточно присвоить, чтобы стать полноценным владельцем влияния над этим “чем-то”, достаточного, чтобы оно стало взаимным. До этой ситуации считается, что влиянием политического обладаешь не ты, а по отношению к тебе. Такая ситуация неопределённости субъекта и объекта власти, основанная на взаимном влиянии необходима для возможности достижения собственных интересов в сфере саморазвития и самоутверждения каждого политического персонажа, силы, актора.

Если представить соотношение власти и подчинения в виде весов Фемиды, то **лидер** – это не тот, кто перевешивает весы власти в свою сторону, а тот, кто поднимается до уровня *равенства*. Впоследствии его чаша власти перевесит, однако произойдёт это вследствие того набранного веса авторитета, который накопился во время стремления этого актора-лидера быть на уровне со всеми, дотянуться до этого уровня. Лидер – тот, под весомой фигурой авторитета которого чаша власти сама перевешивается, поскольку любое подчинение происходит добровольно. В политическом, *чтобы перевесить чашу весов, надо сначала их выровнять*.

Каждый является одновременно и объектом, и субъектом политики, т. к. те инициативы, которые внедряешь ты, действуют и по отношению к тебе. Легитимность какой-либо инициативы определяется соблюдением этой инициативы самим автором. Исходя из этого, степень легитимности и возможности распространения и внедрения своих интересов зависит от соответствия этих интересов потребностям тех, на кого они направлены, т. е. исходя из степени взаимостолкновения интересов. Таким образом, легитимность определяется уровнем ответственности за последствия этой естественной политической конкуренции.